

Р.И. Бравина, В.М. Дьяконов, Е.Ю. Колбина, Д.М. Петров

РАННЕЯКУТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ СО СКОРЧЕННЫМ ТРУПОПОЛОЖЕНИЕМ НА БОКУ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Ключевые слова: Якутия, средневековые, кулун-атахская культура, скорченные погребения, анатомическое положение костяков, погребальный обряд, этнографические параллели, этническая история якутов

Статья посвящена скорченным погребениям на боку у позднесредневекового населения Центральной Якутии. Даются общая характеристика и датировка погребений, медико-анатомическое описание труположений, приводятся этнографические и фольклорные свидетельства. В результате проведения историко-культурных параллелей установлено, что скорченные погребения якутов находят аналогии в средневековых археологических культурах Забайкалья и Прибайкалья. Полученные в ходе раскопок материалы дополняют представления о ранних этапах формирования и развития этнической истории якутов.

В традиционных культурах Якутии погребения со скорченным труположением изучены в недостаточной степени. Такие захоронения были распространены по всему миру практически во все исторические эпохи. Различают следующие скорченные погребения: на боку с согнутыми руками и ногами (в позе эмбриона), сидячие (*Грач* 1980: 70; *Хлобыстина* 1991), на боку с подогнутыми ногами (в позе скачущего всадника и адорации) (*Телегин* 1976) и ничком (*Дьяконова* 1975). В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть скорченные погребения на боку у якутов позднего средневековья, проследить их историко-культурные параллели в древних археологических культурах Якутии и сопредельных регионов, выявить их семантику на основе привлечения этнографических и фольклорных данных.

Общая характеристика и датировка якутских скорченных погребений на боку

По сведениям исследователей XVII–XVIII вв., у якутов существовали четыре способа погребения: 1) в земле (грунтовое); 2) на специальных помостах арангасах (воздушное); 3) на дневной поверхности земли (наземное); 4) сожжение/кремация.

Розалия Иннокентьевна Бравина | <http://orcid.org/0000-0002-4902-8288> | bravinari@bk.ru | д.и.н., профессор, заведующий сектора археологии | Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского 1, Якутск, Республика Саха [Якутия], 677007, Россия)

Виктор Михайлович Дьяконов | <http://orcid.org/0000-0002-4899-6148> | dyakonov_vm@rambler.ru | к.и.н., старший научный сотрудник сектора археологии | Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского 1, Якутск, Республика Саха [Якутия], 677007, Россия)

Екатерина Юрьевна Колбина | <http://orcid.org/0000-0002-9265-6693> | kolba72@mail.ru | к. мед. н., доцент кафедры нормальной и патологической анатомии, оперативной хирургии с топографической анатомией и судебной медициной | Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (ул. Белинского 58, Якутск, Республика Саха [Якутия], 677027, Россия)

Денис Михайлович Петров | <http://orcid.org/0000-0001-5166-5166> | dmpetrov-92@mail.ru | аспирант сектора археологии | Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского 1, Якутск, Республика Саха [Якутия], 677007, Россия)

В археологических материалах этого периода наиболее часто фиксируется положение умершего на спине, головой на запад. При этом в большинстве случаев руки чуть согнуты в локтях; кисти рук находятся на нижней части живота, лобковых костях, в области таза или бедер (*Бравина, Попов* 2008: 88–89); ноги обычно вытянуты, ступни соединены или слегка раздвинуты. При преобладающем массиве таких труположений изредка встречаются и другие: ничком (вниз лицом, на животе), вытянуто на боку, скорченно на боку. По этнографическим данным, якуты хоронили вниз лицом “опасных покойников”, к которым относились прежде всего шаманы и самоубийцы. Что касается погребений на боку – в этнографической литературе, помимо сообщения В. Л. Приклонского, что на севере Якутии на о. Сагастыыр “труп почти во всех (до двенадцати) могилах лежал головой к северо-западу и на левом боку” (*Приклонский* 1890: 168), нет других свидетельств. Следует отметить, что поза умершего – важный признак погребальной обрядности, включающий в себя, помимо ритуально-мифологического содержания, информацию об этногенезе и культурогенезе народа. По данным археологических раскопок в Якутии выявлен ряд захоронений со скорченным положением костяков.

1. *Погребение Улуу Сысы* было открыто И. Д. Новгородовым в 1938 г. в Телейском наслеге Чурапчинского улуса (р-на) и датировано им XVIII в. В 23-х шагах от могилы родоначальника Баджина и в 5-ти шагах от места захоронения его коня случайно было обнаружено погребение, не имевшее никаких внешних признаков. На глубине 70 см находилась гробница из неочищенных от коры тонких жердин, внутри которой лежал костяк мужчины на левом боку в сильно согнутом положении. Отмечен следующий сопроводительный инвентарь: небольшой берестяной сосуд, лук и 5 стрел. По предположению автора раскопок, умерший – сопогребенный с хозяином раб, на что указывает его необычное положение, небрежность оформления внутримогильной конструкции и предметный состав инвентаря (*Новгородов* 1955: 155).

2. *Могильник Тыгынов Курган* близ оз. Сайсары (г. Якутск). Летом 1941 г. во время земляных работ обнажились древние могилы, предположительно датированные XVII в. “Все эти погребения отличаются бессистемностью в своем расположении и позах, – говорится в протоколе раскопок, – некоторые костяки обращены головой на север, некоторые на восток. Костяки лежат частью боком, частью в согнутом положении...”. Исследователи объяснили такую бессистемность “разновременностью” (*АЯНЦ* 1: Л. 208–209). В одной из могил в гробу, заполненном землей, лежал костяк женщины на левом боку в согнутом положении, ориентированный головой на запад. Над гробом находились разрозненные части деревянной люльки с останками младенца (Там же).

3. *Погребение Куому* исследовано И. В. Константиновым в 1965 г. в Ожелунском наслеге Чурапчинского улуса (р-на) и предположительно отнесено им к XVIII в. Могила на поверхности отмечена едва заметной западиной; в середину ямы была поставлена тонкая березка. На глубине 35 см в гробу, покрытом берестой, лежал костяк мужчины на левом боку, ориентированный головой на запад. Ноги его были чуть согнуты, руки вскинута на уровне груди и как бы опирались на острие пальмы, лежавшей рядом. Под голову было подложено седло. Зафиксирован сопроводительный инвентарь: курительная трубка, железный котелок, остатки ровдужной одежды (*Константинов* 1971: 43).

4. *Погребение Урай* было найдено в 1984 г. (у с. Бетюнцы Амгинского улуса [р-на] при раскопках поселения XVIII в.) в одной из старинных ям, откуда брали землю для засыпки боковых стенок стоящего рядом жилища. Скорченный костяк человека располагался на левом боку с согнутыми на груди руками, головой на запад. Правая нога была подогнута к тазу, а бедро левой ноги – к животу. Сверху он был покрыт несколькими шитыми вместе полосками бересты, имевшими по краям сложный резной орнамент. Костяк лежал на большом круглом полотнище диаметром 80 см, изготовленном из отдельных берестяных полосок и напоминающем днище огромной берестяной

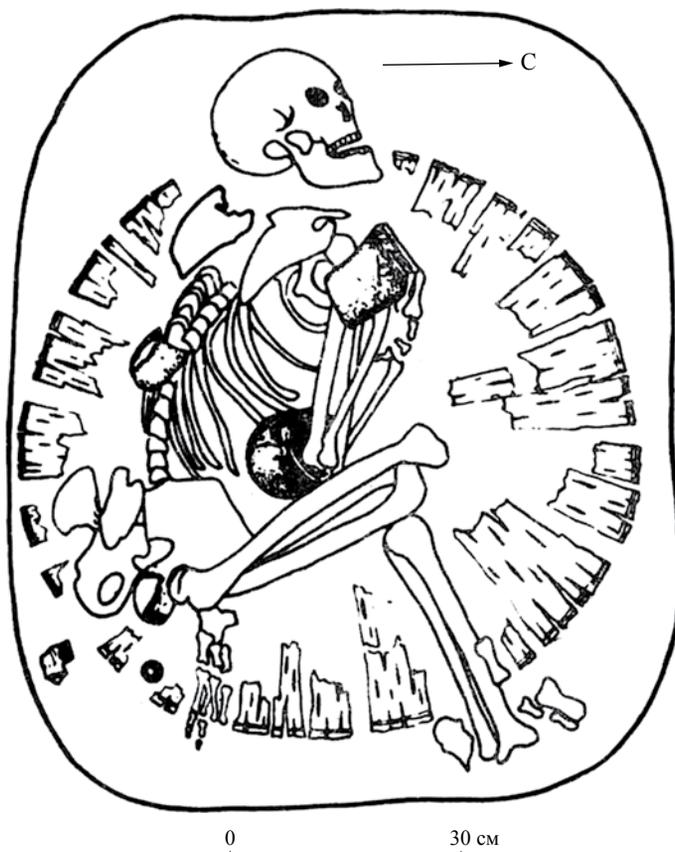

Рис. 1. Погребение Уорай.

посуды. В районе костей ладони правой руки был найден большой фрагмент толстостенной керамики. Отмечен и другой сопроводительный инвентарь: были обнаружены фрагменты толстостенного сосуда баночной формы, украшенного наклепными округлыми “жемчужинами” и продольным накладным валиком, от которого через равные промежутки на тулово спускались тройные короткие перпендикулярные валики; мелкие костяные наконечники стрел с обломанным черешком, а также два железных кольца (Гоголев 1990: 37–38).

А. И. Гоголев, анализируя найденные предметы и характер погребения, предполагал, что оно относится, скорее всего, к XVI в. (Там же: 38). По кости была получена радиоуглеродная дата 210 ± 30 л.н. (Beta-193454) (Крюбези, Алексеев 2012: 66, 69). Календарная дата по результатам калибровки для $\pm 2\sigma$ (95,4%) – 1640–1960 гг.н.э. с вероятностными интервалами 1640–1690 гг. (30%), 1730–1810 гг. (48,8%) и 1920–1960 гг. (16,7%). Судя по археологическому материалу, представляется маловероятной датировка погребения XVIII в. Условия обнаружения, характер инвентаря и радиоуглеродные даты позволяют отнести погребение Уорай к XVI–XVII вв.

5. **Погребение Кёрдюген** было открыто в 1997 г. (в ходе работ палеоэтнографического отряда ЯГУ под руководством Н. П. Прокопьева – заведующего отделом этнографии Мегино-Кангаласского музея трудовой славы) в 7 км к западу от с. Балыктах Мегино-Кангаласского улуса возле жилища кулун-атахской культуры на склоне озерной

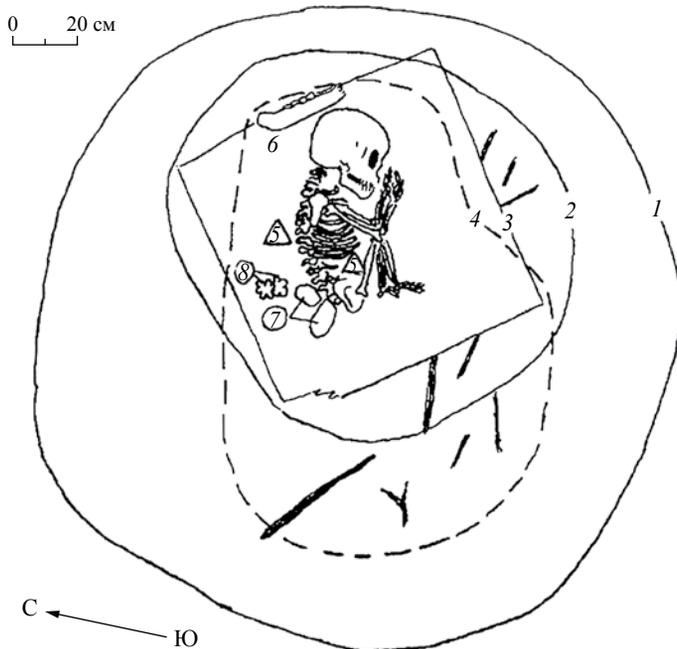

Рис. 2. Погребение Кёрдюген. 1 – контур могильной ямы; 2 – контур ямы на уровне погребения; 3 – контур бересты; 4 – контур мерзлого грунта; 5 – фрагмент керамики; 6 – фрагмент челюсти жеребенка; 7 – фрагмент горна; 8 – куски напльвного шлака.

террасы высотой 6–7 м. Здесь зафиксирована округлая в плане могильная яма, в которой выявлено детское захоронение. Ребенок был погребен в скорченном положении на левом боку (в утробной позе), головой на востоко-северо-восток. Колени его были подогнуты к груди, руки согнуты в локтях, ладони расположены вплотную к лицу. Под костяком было постелено цельное полотно бересты подквадратной формы, размерами 67×85 см. Берестяное полотно таких же размеров, но сшитое из трех частей, укрывало его сверху. В погребении отмечен кусочек напльвного шлака, два обломка глиняной основы горна с наплавлениями шлака и крицы, фрагмент нижней челюсти жеребенка и два фрагмента кулун-атахской керамики (Прокопьева 2006).

По кости погребенного была получена радиоуглеродная дата 450 ± 30 л. н. (Beta-193452) (Крюбези, Алексеев 2012: 66, 67). Калиброванный “календарный” возраст для $\pm 2\sigma$ (95,4%) – 1410–1480 гг., для $\pm 1\sigma$ (68,2%) – 1425–1455 гг. Таким образом, радиоуглеродная дата относит погребение Кёрдюген к первой половине XV в., что, наряду с условиями обнаружения, достаточно четко указывает на его принадлежность к кулун-атахской культуре.

6. Погребение Ожелун (Джюсюлен) открыто Саха-французской археологической экспедицией в Болтогинском наслеге Чурапчинского улуса (р-на) (Николаева 2008: 55). На глубине 48 см на правом боку с подогнутыми ногами находился костяк молодого мужчины, ориентированный головой на запад. Голова покоилась на седле, под нее была подложена правая рука, левая – согнута в локте, кистью касается колена. Труп, укрытый берестяным полотнищем, сшитым из отдельных кусков, лежал на настеле из бревен, также устланном берестяным полотном. На мужчине был головной убор с металлическим диском, а также пояс, украшенный бисером, фигурными медными бляшками, металлическими ажурными и гирьковидными подвесками; в ушах – проволочные серьги с нанизанными на них бусинками. Отмечен следующий сопроводительный инвентарь: железные котелок,

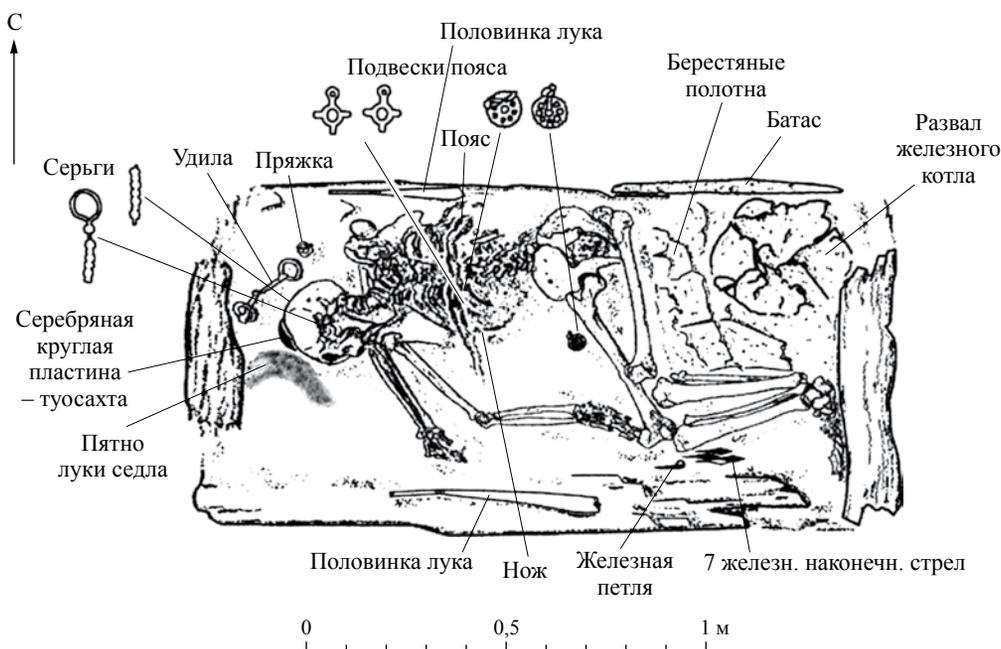

Рис. 3. Погребение Джюсюлен. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1. № 26288.

колчанный крюк, обкладки и петли торока седла, конские удила, круглая пряжка ремней оголовья коня, кованый черешок какого-то предмета с дугообразной петелькой у основания, батас, 7 наконечников стрел, нож в ножнах из бересты и две половинки деревянной основы лука (Жирков 2006).

Погребение Ожелун (Джюсюлен) имеет радиоуглеродный возраст (по кости погребенного) 340 ± 60 л.н. (Beta-198198), что с учетом калибровки ($\pm 2\sigma$) дает “календарный” интервал 1440–1660 г.н.э. (Крюбези, Алексеев 2012: 66, 67). Калиброванные “календарные” интервалы для $\pm 1\sigma$ указывают на хронологические срезы 1480–1530 гг. (22,6%) и 1540–1640 гг. (45,6%). Архаичный обряд погребения и радиоуглеродная дата с большой вероятностью позволяют отнести Ожелун к XVI – первой половине XVII в.

7. Погребение Кудук I возле с. Улах-Ан в Хангаласском улусе (58-й км Покровского тракта) исследовано Р.И. Бравиной. Предварительная разведка на местности выявила на краю террасы наличие слабо выраженной могильной западины продолговатой формы, размерами 220×120 см. При расчистке дерна и верхнего почвенного слоя на глубине 15 см от уровня дневной поверхности зафиксированы следы четырех вертикально поставленных столбов диаметром 15 см, видимо, от надмогильного сооружения типа чардаат. На глубине 50 см от уровня дневной поверхности выявился костяк человека, лежащий на правом боку в сильно скорченном положении, головой на запад, при этом обе его верхние конечности были отведены кпереди от тела. На костях свода черепа в области левого виска имелся сквозной дефект, морфологически схожий с дырчатыми переломами от воздействия твердого тупого предмета. Данное обстоятельство не позволяет исключить возможной насильственной причины смерти. Каких-либо иных повреждений костной ткани не обнаружено.

На левом боку погребенного в области грудной клетки на уровне пятой и шестой пар реберных костей найдены фрагменты железного предмета неизвестного назначения, подвергшиеся сильной коррозии, со следующими размерами: длина – 9 см, ширина

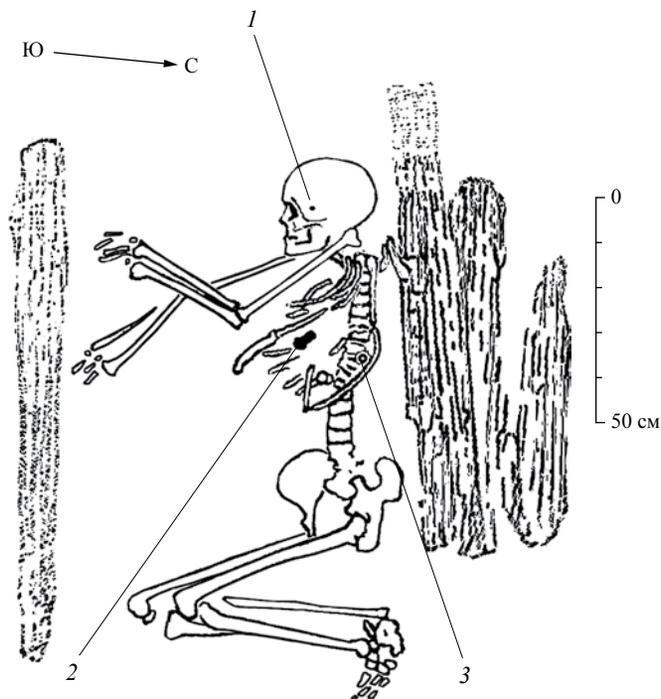

Рис. 4. Погребение Кудук I. 1 – сквозное ранение на черепе; 2 – фрагменты железного изделия неопределимого назначения; 3 – железное кольцо.

в утолщении – 2 см, в тонкой части – 0,5 см, толщина – 0,3–0,5 см. На одном конце предмета отмечено отверстие $1,5 \times 1$ см. В области шестого грудного позвонка найдено плоское кольцо с диаметром внешней стороны 2,5 см, внутренней – 1 см, толщиной 0,2–0,3 см.

С двух сторон костяка зафиксированы остатки четырех перегнивших неочищенных от коры лиственных жердей. Длина сохранившихся частей трех жердей с северной стороны могилы – 63–79 см, толщина – 6,5 см; длина следов жерди с южной стороны приблизительно 100 см. Судя по наличию остатков древесины на черепе, левом предплечье и обеих кистях рук погребенного, сверху над ним было сооружено перекрытие из жердей.

Согласно данным антропологического исследования, умерший относится к монголоидной расе, его биологический возраст около 33 лет, рост – 160–164 см.

По костям скелета была получена радиоуглеродная дата 320 ± 120 л.н. (МРІ-58), имеющая большую среднеквадратическую ошибку. Калиброванные интервалы даты, для $\pm 2\sigma$ – 1400–2000 гг. и для $\pm 1\sigma$ – 1440–1800 гг., с 65,2%-ной вероятностью указывают на 1440–1670 гг. и с 3%-ной – на 1780–1800 гг. Судя по этим данным, погребение может датироваться второй половиной XV – первой половиной XVII в.

Таким образом, из семи найденных в Якутии скорченных погребений позднего средневековья – в четырех случаях зафиксировано положение на левом боку. Все обнаруженные костяки, за исключением захоронения Кёрдуген, ориентированы головой на запад.

Историко-культурные параллели

Погребения со скорченным положением умерших встречаются на всей территории Евразии, начиная от мусьерской эпохи и до позднего средневековья (Рыбаков 1981; Хлобыстина 1991). Наибольшее распространение они получают в бронзовом веке, где наряду с ними фиксируются и другие формы захоронений (ЭБЛП 1987).

В археологии Прибайкалья наиболее ранние погребения со скорченным положением умерших отмечены в рамках хиньской (8000–7600 л.н.) и шукинской (7400–7100 л.н.) позднемезолитических погребальных традиций (*Базалийский* 2005, 2012). В дальнейшем скорченное труположение, как и поза “на боку с согнутыми ногами”, единично встречается и в неолитических могильниках, и в одиночных захоронениях Байкальской Сибири (*Лбова и др.* 2008; *Базалийский* 2012; *Бердникова* 2013). “Сидячие” скорченные погребения на территории Прибайкалья появляются с середины III тыс. до н.э., а заметное распространение получают во время “шумилихинского” этапа поздней бронзы Прибайкалья, датируемого IX–VIII вв. до н.э., где наряду с ними фиксируются также скорченные на боку (*Свинин* 1981; *Горюнова* 2002; *Горюнова и др.* 2004). По мнению Л. П. Хлобыстина, скорченные погребения считаются мигрантными для территории Прибайкалья, а население с таким обрядом проникает из Монголии и Забайкалья (*Хлобыстин* 1987).

В раннем железном веке захоронения с подогнутыми ногами встречаются также в Привитимье (*Ветров, Инешин* 2002). На верхней Лене такое погребение обнаружено у д. Белоусово. Проанализировав сопроводительный инвентарь, А. П. Окладников датировал его IV–III вв. до н.э. (*Окладников* 1978). В хунно-сяньбийское время и в эпоху раннего средневековья скорченные захоронения распространились в Прибайкалье: зафиксированы в группах погребений елгинского (III в. до н.э. – IV в.н.э.) и черенхынского (V–VIII вв.н.э.) типов (*Харинский* 2005, 2009). Б. Б. Дашибалов относил их к курумчинской культуре, датируемой V–XIV вв.н.э. По его мнению, они были оставлены племенами курыкан и хори, от которых в дальнейшем произошли якуты и буряты (*Дашибалов* 1995, 2005).

В Забайкалье погребения со скорченным положением умерших бытовали в шатровых комплексах у племен сяньби (*Асеев* 2003: 120–122). В раннем средневековье такие захоронения имели широкое распространение среди носителей дарасунской культуры VI–IX вв.н.э. (*Кириллов и др.* 2000: 64; *Ковычев* 2012).

Из открытых на территории Якутии самым ранним со скорченным положением умерших является Дюпсинское погребение, относящееся к раннему железному веку (*Степанов* 2010). В нем костяк был найден на глубине 45–50 см уложенным на правый бок, головой на юго-восток; ноги были согнуты и подтянуты к животу, руки согнуты в локтях. В могиле обнаружен разнообразный сопроводительный инвентарь из камня, кости, рога и железа. По кости погребенного была получена радиоуглеродная дата 2485 ± 50 л.н. (AA-98295), что с учетом калибровки ($\pm 2\sigma$) относит ее к VIII–V вв. до н.э. – периоду, укладывающемуся в целом в скифское время (*Степанов и др.* 2014).

В основном традиция скорченных погребений в раннеякутской культуре, безусловно, генетически связана с целым пластом древних и средневековых культур евразийских степей. Истоки ее прослеживаются в археологических комплексах Сибири; ближайшими аналогами выступают погребальные традиции средневековых племен Прибайкалья и Забайкалья.

Семантика якутских скорченных погребений

Объяснение семантики скорченной позы погребенных опирается, как правило, на этнографические и фольклорные материалы и сводится в основном к трем версиям: умершему придается положение зародыша в утробе матери, что, по-видимому, должно способствовать реинкарнации; поза всадника, чтобы погребенный мог отправиться верхом в мир мертвых; и, наконец, умершего хоронят со связанными конечностями, чтобы обезопасить живых от мертвых.

Прежде чем перейти к рассмотрению ритуального значения действий при погребении, следует остановиться на медицинских аспектах. В частности, обращает на себя внимание неестественность позы умерших – скорченно на боку. Ее изменение после

смерти человека невозможно из-за развивающегося трупного окоченения. Возникают и определенные трудности для захоронения в наиболее распространенном варианте (вытянутым на спине) одеревеневшего в согнутом состоянии тела. Трупное окоченение может служить одной из версий, объясняющих скорченную позу умершего (предположительно насильственной смертью) из погребения Кудук I.

Трупное/мышечное окоченение развивается через 2–4 часа после наступления смерти. Начинаясь с жевательной и мимической мускулатуры, оно постепенно распространяется книзу, захватывая мышцы шеи, верхних конечностей, туловища и, наконец, нижних конечностей. Полностью умерший оказывается в состоянии окоченения в течение первых суток (12–18 часов) после наступления смерти. Это проявляется в том, что мышцы становятся плотными, твердыми, суставы — тугоподвижными; тело “деревенеет” — фиксируется в том положении, в котором находилось на момент смерти. Мышечное окоченение держится 2–3 дня, а затем исчезает — обычно в том же порядке, в котором появлялось. Временной промежуток выраженности трупных явлений — первые трое суток — вполне согласуется с традицией якутов хоронить покойников на третий день после смерти.

Преднамеренное придание телу умершего определенного положения, вероятнее всего, совершалось сразу после его смерти. В это время мышцы покойного расслабляются, становятся мягкими, полностью утрачивают прижизненный тонус, и тело “растопляется” на той поверхности, на которой лежит; умерший выглядит как спокойно спящий человек. В этот промежуток времени любые пассивные движения во всех сочленениях совершаются легко, и теоретически можно придать телу любую позу, которая в последующем будет зафиксирована при развитии трупного окоченения и даже после полного исчезновения его признаков в целом будет сохраняться (напр., на боку в согнутом состоянии).

Во многих культурах скорченное положение воспринимается как положение зародыша в материнском чреве. В традиционной культуре якутов вплоть до настоящего времени сохранились представления о реинкарнации души-*кут*. “У якутов есть ... поверье, что иной человек родится два или три раза, — пишет И. А. Худяков. — Будто бы некоторые дети, только что выучившись говорить, рассказывают, что прежде они были такими-то и такими-то людьми” (Худяков 1969: 191). Данные о представлениях относительно круговорота жизни сохранились, главным образом, у северной группы якутов, что может быть частично свидетельством архаичности их культуры. В этом плане интерес представляет детское погребение Кёрдюген со скорченным труположением на боку в позе эмбриона или же по классификации Д. Я. Телегина в позе адорации (Телегин 1976: рис. 2, 3; 6, 3).

Наличие внутри могилы в погребении Кёрдюген наплавного шлака, кусков глиняной основы горна с наплавлениями шлака и кусочков крицы требует дальнейшего изучения с целью подтверждения или трагических обстоятельств смерти ребенка, или же ритуального действия, возможно даже жертвоприношения, связанного с кузнечеством (Попов 2006: 369–382; АЯНЦ 2: Д. 70. Л. 8). Погребение Кёрдюген по наличию наплавлений шлака и кусочков крицы в могиле можно сопоставить (хотя есть различие в позах) с детскими захоронениями в скорченном положении под каменными кладками, обнаруженными в окрестностях раннесредневекового городища Усть-Чёрнинский в Забайкалье. Время их сооружения, по мнению исследователей, предполагается в промежутке от второй половины до конца I тыс. н.э., т.е. они могут предшествовать или быть синхронными Усть-Чёрнинскому городищу (Алкин, Нестеренко 2010: 140–144). Рассматриваемые детские погребения Якутии и Забайкалья, вероятно, несут какую-то ритуальную нагрузку, продиктованную архетипическими представлениями о возрождающей и очистительной силе огня.

Согнутое положение тела в традиционных культурах также может означать смирение и подчинение, что наглядно иллюстрируется материалами археологических

памятников Китая, где скорченные на боку погребения встречаются, начиная с позднего неолита до эпохи палеометалла включительно (Комиссаров, Хачатурян 2008: 8). Китайский исследователь Лян Юнь в культурах бронзового века, непосредственно предшествующих и сосуществующих с культурой додинастического периода Цинь, «проследил определенную корреляцию между различными типами помещения покойного в могилу и его статусом. Вытянутое труположение с прямыми конечностями представлено, как правило, в захоронениях более высокого ранга (отмечаются по инвентарю и конструкции могилы), скорченное – в большинстве массовых погребений. Особенно убедительно эта характеристика прослеживается в рамках одной гробницы, например, М2 в Дабаоц-зышань, где “хозяин могилы” (циньский *гун*) и его ближние (родственники или чиновники) лежат с прямыми ногами, а принесенные в жертву слуги – с согнутыми» (Цит. по: Комиссаров, Хачатурян 2010: 39). Можно допустить вероятность универсальности подобной практики в других древних и средневековых культурах. В этом контексте трактовка И. Д. Новгородовым скорченного погребения из могильника Улуу Сысы как захоронения слуги, сопровождающего хозяина в загробный мир, представляется вполне приемлемой, тем более что в эпической традиции якутов сгорбленность (скорченность) является характерной особенностью внешнего облика слуг и рабынь (Кузьмина 2014: 83–85). В олонхо также упоминаются так называемые *юктэл кулут* (букв. рабы-подмостки), в обязанность которых входило подставлять спину женщинам, садящимся на коня (Ойунский 1975: 302).

Скорченное положение молодого мужчины из погребения Кудук I с пробоиной в черепе или молодой женщины из Тыгынова кургана, умершей, вероятно, при родах, можно интерпретировать как способ обезвреживания (обездвижения) преждевременно умерших, входящих в категорию “опасных” мертвецов. К ней относились и черные шаманы, которых «хоронили ничком, притом в согнутом положении (таком, как если повалить ниц человека, сидящего на корточках). Делалось это для того, чтобы шаман не мог встать. В руки вкладывали землю, чтобы она также не позволяла встать, была бы для умершего “якорем”...» (Пекарский, Попов 1928: 32). Алтайских, в частности тувинских, шаманов еще недавно хоронили в скорченной позе и с каменной “подушкой” под головой (Кенин-Лопсан 1987: 88). По мнению исследователей, подобные захоронения, возможно, генетически связаны с погребениями скифского и гунно-сарматского времени Тувы (Дьяконова 1975: 148–149; Савинов 1969: 104–108).

Скорченность труположения может выступать маркером статуса погребенного и указывать на его родоплеменную принадлежность. Взаиморасположение обнаруженных костей скелета в погребении Ожелун (Джюсюлен) свидетельствует о физиологически невыгодной позе умершего и, вероятно всего, указывает на то, что она была искусственно придана телу. Размещение в могиле всех костей скелета соответствовало их анатомическому расположению, тем не менее при изучении позы погребенного – лежа на животе (ничком), лицевая часть черепа, обе руки и ноги обращены в одну сторону (на юг) – создается впечатление, что лежащее ничком тело стремились уложить “на бок”. Правая рука заведена под туловище и вытянута вперед, левая согнута в локтевом суставе и касается колена. Обе верхние конечности значительно отведены от тела и находятся практически на одном уровне со стопами. Согнутые почти под прямым углом в тазобедренных и коленных суставах обе нижние конечности и расположенные параллельно ступням бедра имитируют положение всадника.

В данном погребении присутствуют все признаки высокого статуса умершего: наличие головного украшения в виде соляного круга *кюн* (солнце), проволочные серьги с бусинками в ушах, богатый предметный инвентарь. По этнографическим записям А. А. Саввина – серьги носили мужчины только из знатных семей, что “простым людям не полагалось” (АЯНЦ 2: Д. 51. Л. 28). В этой связи следует отметить, что часть ритуалов (в том числе связанных с погребальными традициями), видимо, воспроизводится лишь по особым случаям. Так, похороны знати могут отражать давно

ушедшие из повседневной практики и сохраненные лишь в кругу элиты ритуалы, что призвано способствовать родоплеменному или этническому самоутверждению.

Представляют большой интерес скорченные захоронения под полами домов или во дворах, которые иногда встречаются у согдийцев, бактрийцев и др. народов Центрального Ирана (Пьянков 2005). В этой традиции можно усмотреть некоторую связь со скорченными погребениями Кёрдюген и Урай в Якутии, располагавшимися возле жилищ. О тесных связях Согда с культурами тюркского и монгольского времени в Южной Сибири, Забайкалье, Прибайкалье и Предбайкалье имеется обширная литература (Кляшторный 1964; Кызласов 1969: 77; Окладников 1963; Дашибалов 2004; Николасов 2008). Якутия не была исключена из системы контактов, о чем, в частности, свидетельствуют остатки лука из поселения Улахан Сегеленнях на р. Токко (V–VIII вв.); в его конструктивных особенностях исследователи склонны видеть согдийское влияние (Степанов 1999: 135–137). Ранние кочевники могли попасть в Приленье из Забайкалья и Предбайкалья через Олёкму, где найдена данная стоянка (Улахан Сегеленнях), или же по Соболей дороге, восточный отрезок которой проходил по Амуру. Эти пути были доступны и согдийским купцам, и их представителям (Шавкунов 1994: 164).

Хотелось бы отметить, что в силу специфики археологических источников мы имеем дело с нестрогими аналогиями, что придает нашим интерпретациям вероятностный характер. При этом можно с уверенностью говорить о двух моментах: скорченная поза умершего в исключительных случаях может быть результатом трупного окоченения, особенно при наличии признаков насильственной смерти; искусственно оформленная скорченная поза, несомненно, является типичной для определенных культур, что, в свою очередь, может свидетельствовать о преемственности элементов обрядовой практики и религиозно-мифологических представлений.

* * *

Подводя некоторые итоги изучения якутских скорченных погребений на боку XIV–XVII вв., можно сделать вывод о том, что они по многим параметрам (предметный состав погребального инвентаря, устройство внутримогильных перекрытий и настилов, подкладывание седла под голову и др.) маркируют ранний этап этнической истории якутов, хронологически связанный с кулун-атахской археологической культурой (XIV–XVI вв.). Погребальный обряд как в ритуально-практическом, так и в религиозно-мифологическом плане генетически связан с целым пластом древних и средневековых культур евразийских степей. Истоки их прослеживаются и в археологических комплексах Сибири; ближайшими аналогами выступают погребальные традиции средневековых племен Прибайкалья и Забайкалья.

На базе имеющихся в настоящее время источников пока нельзя решить многие вопросы, связанные с историей формирования и развития тех этнических компонентов, которые вошли в состав якутского народа. Это возможно лишь при значительном увеличении масштабов археологических раскопок и комплексном междисциплинарном изучении полученных данных с широким привлечением этнографических, фольклорных и мифологических материалов.

Источники и материалы

АЯНЦ 1 – Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 188.

АЯНЦ 2 – Архив Якутского научного центра СО РАН Ф. 4. Оп. 12. Д. 19, 51, 70.

Жирков 2006 – Жирков Э. К. Отчет о работе Заречного отряда археологической экспедиции ЯГУ в Мегино-Кангаласском и Чурапчинском улусах Республики Саха (Якутия)

в полевой сезон 2004 года. Якутск, 2006 // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1. № 26288.

ЭБЛП 1987 – Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987.

Научная литература

- Алкин С. В., Нестеренко В. В.* Работы на Усть-Чёрнинском городище в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Т. XVI / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 138–144.
- Асеев И. В.* Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003.
- Базалийский В. И.* К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. / Под ред. А. В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 35–42.
- Базалийский В. И.* Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. 2012. Вып. 9. С. 43–101.
- Бердникова Н. Е.* “Шигирский” наконечник на Верхней Лене (Прибайкалье) // Известия Иркутского государственного университета (Геоархеология, этнология, антропология). 2013. № 1 (2). С. 156–173.
- Бравина Р. И., Попов В. В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008.
- Ветров В. М., Инешин Е. М.* Погребения раннего железного века реки Витим (датировка и культурная принадлежность) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности / Отв. ред. М. В. Константинов, А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2002. С. 92–103.
- Гоголев А. И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990.
- Горюнова О. И.* Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2002.
- Горюнова О. И., Новиков А. Г., Зяблин Л. П., Смотров В. И.* Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004.
- Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
- Дашибалов Б. Б.* Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995.
- Дашибалов Б. Б.* Среднеазиатские торговые фактории в Баргуджин-Токуме // Древности Востока: сборник к 80-летию проф. Л. Р. Кызласова / Отв. ред. И. Л. Кызласов. М.: Рузаки, 2004. С. 148–157.
- Дашибалов Б. Б.* На тюрко-монгольском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
- Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975.
- Кенин-Лопсан М. Б.* Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1987.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И.* Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000.
- Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.
- Ковычев Е. В.* К истории ранних монголов в Забайкалье // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 9 / Ред. А. В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. С. 129–146.
- Комиссаров С. А., Хачатурян О. А.* Циньские погребальные памятники додинастического периода // Вестник НГУ (История, филология). 2008. Том 7. Вып. 4: Востоковедение. С. 7–11.
- Комиссаров С. А., Хачатурян О. А.* Мавзолей императора Цинь Шихуаньди. Учебное пособие для студентов отделения востоковедения. Новосибирск: НГУ, 2010.

- Константинов И. В.* Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якуткнигоиздат, 1971.
- Крюбеси Э., Алексеев А. Н.* Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012.
- Кузьмина А. А.* Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. Новосибирск: Наука, 2014.
- Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П.* Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008.
- Николаев В. С.* Кочевники юга Средней Сибири в XII–XIV вв. // Известия Алтайского государственного университета (История). 2008. № 4/2 (60). С. 136–146.
- Николаева Д. А.* Средневековые погребения XV века Якутии // Материалы XLVI Международной научной студенческой конференции “Студент и научно-технический прогресс”: археология Евразии / Ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. С. 55–56.
- Новгородов И. Д.* Археологические раскопки музея (некоторые предварительные данные) // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. 1955. Вып. 1. С. 138–162.
- Ойунский П. А.* Якутская сказка (олонхо) ее сюжет и содержание // *Ойунский П. А.* Избранные произведения в 2 т. Якутск: Книжное изд-во, 1975. Т. 2. С. 292–357.
- Окладников А. П.* Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (согдийская колония на р. Унге?) // Тюркологические исследования / Отв. ред. А. К. Боровков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 274–280.
- Окладников А. П.* Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в Ленской тайге) // Проблемы археологии: сборник статей / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1978. Вып. 2. С. 101–109.
- Пекарский Э. К., Попов Н. П.* Среди якутов: случайные заметки // Очерки по изучению Якутского края. Иркутск: Изд-во Якутской секции ВСОРГО, 1928. Вып. 2. С. 23–63.
- Попов А. А.* Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа (Тексты) / Сост. Р. И. Бравина. Новосибирск: Наука, 2006.
- Приклонский В. Л.* Похороны якутов в северной части Якутской области // Сибирский сборник. Иркутск, 1890. Вып. 1. С. 59–66.
- Прокопьева А. Н.* Средневековое детское погребение Кёрдюген // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященная 160-летию со дня рождения И. Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В. И. Громова. Красноярск, 28–30 марта 2006 года / Отв. ред. Н. И. Дроздов. Красноярск: КГПУ, 2006. Т. 2. С. 55–57.
- Пьянков И. В.* О погребальном обряде бактрийцев // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года) / Отв. ред. В. П. Никиноров. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 360–364.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
- Савинов Д. Г.* Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // Краткие сообщения Института археологии. 1969. Вып. 119. С. 104–108.
- Свинин В. В.* (ред.) Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха: сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1981.
- Степанов А. Д.* К находкам остатков сложносоставного лука на стоянке Улахан Сегеленнях на р. Токко // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология: сборник научных трудов / Отв. ред. А. Н. Алексеев. Новосибирск: Наука, 1999. С. 133–138.
- Степанов А. Д.* Дюпсинское погребение раннего железного века в Центральной Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 32–36.

- Степанов А. Д., Кузьмин Я. В., Джалл Э. Дж. Т. Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Известия Иркутского государственного университета (Геоархеология, этнология, антропология). 2014. Т. 7. С. 106–112.
- Телегин Д. Я. Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы / Ред. С. С. Березанская. Киев: Изд-во “Наук. Думка”, 1976. С. 5–21.
- Харинский А. В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 198–215.
- Харинский А. В. Курумчинская культура: миф или реальность? // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й научно-практической конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.) / Отв. ред. А. В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 49–62.
- Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Гл. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 327–350.
- Хлобыстина М. Д. “Сидячие” погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // Краткие сообщения Института археологии. 1991. Вып. 203. С. 32–38.
- Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. М.: Наука, 1969.
- Шавкунов Е. А. Государство Бохай (698–920) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994.

Research Article

Bravina, R.I., V.M. Dyakonov, E. Yu. Kolbina, and D. M. Petrov. Early Yakut Burials in the Flexed Position as a Historical and Ethnographic Source [Ranneiakutskie pogrebeniia so skorchenym trupopolozheniem na boku kak istoriko-etnograficheskii istochnik]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 4, pp. 83–98. ISSN0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Rozalia Bravina | <http://orcid.org/0000-0002-4902-8288> | bravinari@bk.ru | Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of RAS (1 Petrovskogo Street, Yakutsk, 677007, Russia)

Viktor Dyakonov | <http://orcid.org/0000-0002-4899-6148> | dyakonov_vm@rambler.ru | Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of RAS (1 Petrovskogo Street, Yakutsk, 677007, Russia)

Ekaterina Kolbina | <http://orcid.org/0000-0002-9265-6693> | kolba72@mail.ru | M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (58 Belinsky Street, Yakutsk, 677027, Russia)

Denis Petrov | <http://orcid.org/0000-0001-5166-5166> | dmpetrov-92@mail.ru | Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of RAS (1 Petrovskogo Street, Yakutsk, 677007, Russia)

Keywords:

Yakutia, Middle Ages, Kulun-Atakh culture, flexed position burial, position of skeletal remains, funeral rite, ethnographic parallels, Yakut ethnic history

Abstract:

The article examines burials in a flexed position among the Late Middle Age population of Central Yakutia. We provide information on the general features and dating of the burials, medical and anatomical descriptions of the corpse placement, as well as available ethnographic and folklore evidences. The comparison of various historical and cultural parallels makes it possible to argue that in the Middle Age archaeological cultures of the Baikal area, there are burials that are analogous to the flexed position burials of the Yakut. The data obtained as a result of this research make important contributions to our knowledge of the early ethnic history of the Yakut.

References

- Alkin, S.V., and V.V. Nesterenko. 2010. Raboty na Ust'-Cherninskome gorodishche v 2010 godu [Excavation's on the Settlement of Ust'-Cherninskoe in 2010]. In *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. Materialy godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. 2010* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia

- and Neighboring Territories. Material of the Yearly Session of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS], edited by A. P. Derevianko and V. I. Molodin, XVI: 138–144. Novosibirsk: IAET SO RAN.
- Aseev, I.V. 2003. *Iugo-Vostochnaia Sibir' v epokhu kamnia i metalla* [South-Eastern Siberia in the Stone and Metal Ages]. Novosibirsk: IAET SO RAN.
- Bazaliiskii, V.I. 2005. K probleme kul'turno-khronologicheskikh osobennosti pogrebal'nykh kompleksov epokhi pozdnego mezolita – neolita Baikalskoi Sibiri [To the Problem of Cultural and Chronological Features of the Burial Complexes of Late Mesolithic – Neolithic of Baikal Siberia]. In *Sotsiogenez v Severnoi Azii* [Sociogenesis in Northern Asia], edited by A. V. Kharinskyi, 1: 35–42. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet.
- Bazaliiskii, V.I. 2012. Pogrebal'nye komplekсы epokhi pozdnego mezolita – neolita Baikalskoi Sibiri: traditsii pogrebenii, absoliutnyi vozrast [Burial Complexes of the Late Mesolithic Age – the Neolithic of Baikal Siberia: Traditions of Burial, Absolute Age]. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii* 9: 43–101.
- Berdnikova, N.E. 2013. “Shigirskii” nakonechnik na Verkhnei Lene (Pribaikal'e) [The “Shigir” Point in the Upper Region of Lena River (Cis-Baikal)]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. (Geoarkheologiya, etnologiya, antropologiya)* 1 (2): 156–173.
- Bravina, R.I., and V.V. Popov. 2008. *Pogrebal'no-pominal'nai obriadnost' yakutov: pamiatniki i traditsii (XV–XIX vv.)* [The Burial and Memorial Rites of Yakuts: Sites and Traditions (XV–XIX Centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
- Crubezy, E., and A. N. Alekseev, eds. 2012. *Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoi arkheologicheskoi ekspeditsii)* [The World of the Ancient Yakuts: The Experience of Interdisciplinary Researches (Based on the Sakha-French Archaeological Expedition)]. Yakutsk: SVFU.
- Dashibalov, B.B. 1995. *Arkheologicheskie pamiatniki kurykan i khori* [Archaeological Sites of Kurykan and Khor]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN.
- Dashibalov, B.B. 2005. *Na tiurko-mongol'skom pogranch'e (Etnokul'turnye protsessy v Iugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka)* [In the Turkic-Mongolian Frontier (Ethno-Cultural Processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages)]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN.
- Dashibalov, B.B. 2004. Sredneaziatskie torgovye faktorii v Bargudzhin-Tokume [Central Asian Trading Posts in Bargudjin-Tokum]. *Drevnosti Vostoka: Sbornik k 80-letiiu prof. L. R. Kyzlasova* [Antiquities of the East: A Compendium for the 80th Anniversary of Prof. L. R. Kyzlasov], edited by I. L. Kyzlasov, 148–157. Moscow: Rusaki.
- D'iakonova, V.P. 1975. *Pogrebal'nyi obriad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskii istochnik* [The Funeral Rite of the Tuvans as a Historical and Ethnographic Source]. Leningrad: Nauka.
- Gogolev, A.I. 1990. *Arkheologicheskie pamiatniki Yakutii pozdnego srednevekov'ia (XIV–XVIII vv.)* [Archaeological Sites of Yakutia of the Late Middle Ages (14–18 Centuries)]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet.
- Goriunova, O.I. 2002. *Drevnie mogil'niki Pribaikal'ia (neolit – bronzovyi vek)* [The Ancient Burials of the Baikal Region (The Neolithic – Bronze Age)]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet.
- Goriunova, O.I., A. G. Novikov, L. P. Ziablin, and V. I. Smotrova. 2004. *Drevnie pogrebeniia mogil'nika Uliarba na Baikale (neolit – paleometall)* [Ancient Burials of the Grave of Uliarba on Baikal (Neolithic – Paleometal)]. Novosibirsk: IAET SO RAN.
- Grach, A.D. 1980. *Drevnie kochevniki v tsentre Azii* [Ancient Nomads in the Center of Asia]. Moscow: Nauka.
- Kenin-Lopsan, M.B. 1987. *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Tuvan Shamanism's Ritual Practice and Folklore (Late 19 – Early 20 Centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
- Kharinskii, A.V. 2005. Zapadnoe poberezh'e ozera Baikal v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [The West Coast of the Lake Baikal in I Thousand BC – I Thousand AD]. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii* 3: 198–215.
- Kharinskii, A.V. 2009. Kurumchinskaia kul'tura: mif ili real'nost'? [Kurumchin Culture: Myth or Reality?]. In *Sotsiogenez v Severnoi Azii* [Sociogenesis in Northern Asia], edited by A. V. Kharinskii, 49–62. Irkutskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet.
- Khlobystin, L.P. 1987. Bronzovyi vek Vostochnoi Sibiri [The Bronze Age of Eastern Siberia]. In *Epokha bronzы lesnoi polosy SSSR* [The Bronze Age of the Forest Area of the USSR], edited by B. A. Rybakov, 327–350. Moscow: Nauka.

- Khlobystina, M.D. 1991. "Sidiachie" pogrebeniia kul'tur Severnoi Evrazii epokhi neolita i bronzy ["Sedentary" Burials of the Cultures of the Northern Eurasia of the Neolithic and Bronze Age]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* 203: 32–38.
- Kirillov, I.I., E. V. Kovychev, and O. I. Kirillov. 2000. *Darasunskii kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov: Vostochnoe Zabaikal'e* [The Darasun Complex of Archaeological Sites of Eastern Trans-Baikal Area]. Novosibirsk: IAET SO RAN.
- Kliashpornyi, S.G. 1964. *Drevnetiukskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii* [Ancient Turkic Runic Monuments as a Source on the History of Central Asia]. Moscow: Nauka.
- Komissarov, S.A., and O. A. Khachaturian. 2008. Tsin'skie pogrebal'nye pamiatniki dinasticheskogo perioda [Burial Grounds of Qin in the Period Before the Dynasties]. *Vestnik NGU (Istoriia, Filologiiia. Vostokovedenie)* 7 (4): 7–11.
- Komissarov, S.A., and O. A. Khachaturian. 2010. *Mavzolei imperatora Tsin' Shikhuan'di* [Mausoleum of the Emperor Qin Shihuangdi]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet.
- Kovychev, E.V. 2012. K istorii rannikh mongolov v Zabaikal'e [To the History of the Earliest Mongols in Trans-Baikal Area]. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii* 9: 129–146.
- Konstantinov, I.V. 1971. *Material'naia kul'tura yakutov XVIII veka (po materialam pogrebenii)* [Material Culture of the Yakuts of the 18th Century (Based on Burial Materials)]. Yakutsk: Yakutknigoizdat.
- Kuz'mina, A.A. 2014. *Olonkho Viliuiskogo regiona: bytovanie, siuzhetno-kompozitsionnaia struktura, obrazy* [Olonkho of Viluy Region: Existence, Plot-Composition Structure, Images]. Novosibirsk: Nauka.
- Kyzlasov, L.R. 1969. *Istoriia Tuvy v srednie veka* [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet.
- Lbova, L.V., E. D. Zhambaltarova, and V. P. Konev. 2008. *Pogrebal'nye komplekсы neolita – rannego bronzovogo veka Zabaikal'ia (formirovanie arkhетипов pervobytnoi kul'tury)* [Burial Complexes of the Neolithic – Early Bronze Age of Trans-Baikal Region (Formation of Archetypes of Primitive Culture)]. Novosibirsk: IAET SO RAN.
- Nikolaev, V.S. 2008. Kochevniki yuga Srednei Sibiri v XII–XIV vv. [Nomads of the South of Central Siberia in the 12–14 Centuries]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Istoriia)* 4/2 (60): 136–146.
- Nikolaeva, D.A. 2008. Srednevekovye pogrebeniia XV veka Yakutii [Medieval Burials of the 15 Century in Yakutia]. In *Materialy XLVI Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii "Student i nauchno-tekhnicheskii progress": arkheologiia Evrazii* [Materials of the International Scientific Student Conference "Student and Scientific and Technical Progress": Archeology of Eurasia], edited by Yu. S. Khudiakov, 55–56. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet.
- Novgorodov, I.D. 1955. Arkheologicheskie raskopki muzeia (Nekotorye predvaritel'nye dannye) [The Museum's Archaeological Excavations (Some Preliminary Data)]. *Sbornik nauchnykh statei Yakutskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia* 1: 138–162.
- Oiunskii, P.A. 1975. Yakutskaia skazka (olonkho) ee siuzhet i sodержanie [Yakut Fairy Tale (Olonkho) its Plot and Content]. *Izbrannye proizvedeniia*, vols 2. Vol. 2: 292–357. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo.
- Okladnikov, A.P. 1963. Noveye dannye po istorii Pribaikal'ia v tiurkskoe vremia (sogdiiskaia koloniia na r. Unge?) [New Data of the History of Baikal in the Turkic Period (Sogdian Colony on the Unga River?)]. In *Tiurkologicheskie issledovaniia* [Turkological Researches], edited by A. K. Borovkov, 274–280. Moscow: AN SSSR.
- Okladnikov, A.P. 1978. Skify i taiga (k izucheniiu pamiatnikov skifskogo vremeni v Lenskoi taige) [Scythians and Taiga (to the Study of the Sites of Scythian's Era in the Taiga of Lena River)]. In *Problemy arkheologii: Sbornik statei* [Problems of Archeology: Collection of Articles], edited by A. D. Stoliar, vol. 2: 101–109. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet.
- Pekarskii, E.K., and N. P. Popov. 1928. Sredi yakutov: sluchainye zametki [Among the Yakuts: Occasional Notes]. In *Ocherki po izucheniiu Yakutskogo kraia* [Essays on the Study of the Yakut Region], 2: 23–63. Irkutsk: Izdatel'stvo yakutskoi seksii VSORGO.
- P'iankov, I.V. 2005. O pogrebal'nom obriade baktriiitsev [About the Funeral Ritual of the Bactrians]. In *Istoriia Azii ot Akhemenidov do Timuridov: arkheologiia, istoriia, etnologiia, kul'tura* [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: Archeology, History, Ethnology, Culture], edited by V. P. Nikonov, 360–364. St. Petersburg: IIMK RAN.

- Popov, A.A. 2006. *Kamlaniia shamanov byvshego Viliuiskogo okruga (Teksty)* [Shaman's Rituals of the Former Viluy District (Texts)], edited by R. I. Bravina. Novosibirsk: Nauka.
- Priklonskii, V.L. 1890. Pokhorony yakutov v severnoi chasti Yakutskoi oblasti [Funeral of the Yakuts in the Northern Part of the Yakut Region]. *Sibirskii sbornik* 1: 59–66.
- Prokop'eva, A.N. 2006. Srednevekovoe detskoe pogrebenie Kerdiugen [The Medieval Child Burial Kerdiugen]. In *Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii i sopredel'nykh territorii* [Archeology, Ethnology, Paleoecology of Northern Eurasia and Contiguous Territories], edited by N. I. Drozdov, 2: 55–57. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo KGPU.
- Rybakov, B.A. 1981. *Yazychestvo drevnikh slavian* [Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow: Nauka.
- Savinov, D.G. 1969. Pogrebenie s bronzovoi bliakhoi v Tsentral'noi Tuve [Burial with a Bronze Badge in Central Tuva]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* 119: 104–108.
- Shavkunov, E.A., ed. 1994. *Gosudarstvo Bokhai (698–920) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii* [Bohai State (698–920) and the Tribes of the Far East of Russia]. Moscow: Nauka.
- Stepanov, A.D. 2010. Diupsinskoe pogrebenie rannego zheleznogo veka v Tsentral'noi Yakutii [Early Iron Age Dyupsya Burial, Central Yakutia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 1 (41): 32–36.
- Stepanov, A.D. 1999. K nakhodkam ostatkov slozhnosostavnogo luka na stoianke Ulakhan Segelenniakh na r. Tokko [By Finds of Remnants of a Composite Bow in the Site Ulakhan Segeleniyah on Tokko River]. In *Arkheologiya Severo-Vostochnoi Azii. Astroarkheologiya. Paleometrologiya* [Archeology of Northeast Asia. Astroarcheology. Paleometrology], edited by A. N. Alekseev, 133–138. Novosibirsk: Nauka.
- Stepanov, A.D., Ya. V. Kuz'min, and A.J.T. Jull. 2014. Novye dannye po khronologii rannego zheleznogo veka Yakutii [New Chronological Data of Early Iron Age in Yakutia]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya)* 7: 106–112.
- Svinin, V.V., ed. 1981. *Bronzovyi vek Priangar'ia. Mogil'nik Shumilikha* [The Bronze Age of the Angara Region. The Shumilikha Burial Complex]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet.
- Telegin, D. Ya. 1976. Ob osnovnykh pozitsiiakh v polozhenii pogrebennykh pervobytnoi epokhi Evropeiskoi chasti SSSR [On the Main Positions in the Buried Primitive Epoch of the European Part of the USSR]. In *Eneolit i bronzovyi vek Ukrainy. Issledovaniia i materialy* [Chalcolithic and Bronze Age of Ukraine. Research and Materials], edited by S. S. Berezanskaia, 5–21. Kiev: Naukova Dumka.
- Vetrov, V.M., and E. M. Ineshin. 2002. Pogrebeniia rannego zheleznogo veka reki Vitim (datirovka i kul'turnaia prinadlezhnost') [Burials of the Early Iron Age of the Vitim River (Dating and Cultural Affiliation)]. In *Tsentral'naia Aziia i Pribaikal'e v drevnosti* [Central Asia and Baikal Region in Ancient Times], edited by M. V. Konstantinov and A. D. Tsybiktarov, 92–103. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGU.